

Р. Штейнер

«Германская Душа и немецкий Дух»

Лекция 5

Берлин 14 января 1915

(пер. с нем. А.А. Демидов)

Из GA том 64

Из судьбоносного времени

14 Открытых лекций

Берлин 29 октября 1914 по 23 апреля 1915, Нюрнберг 12 марта 1915

Мюнхен 28 ноября 1915

В лекциях, которые я этой зимой имел честь читать здесь до сих пор, я попытался дать некоторые указания о сущностном характере немецкого развития, о существе характера немецкого развития и его отношении к развитию других наций Европы. Сегодня мне хотелось бы позволить себе в афористической форме дать нечто характерное относительно душевного и духовного развития этого германско-немецкого Существа – всё это, оглядываясь на наше судьбоносное, тяжёлое время. Завтра я затем попытаюсь показать, что могут дать человеку познания в духовной науке как в счастливые, так и в серьёзные, строгие, исполненные боли и страданий часы жизни, особенно принимая во внимание наше время.

Рассмотрения, которые должны быть даны здесь, будут исходить из отправной точки духовной науки; из той точки зрения, которая часто упоминалась здесь, и которая ещё довольно мало признаётся общественностью или же игнорируется ею. Однако тот, кто приблизился к этой духовной науке, тот, благодаря её познаниям, чувствует, что она не только может обогатить и возвысить жизнь, но что она может дать объяснение интимным, важным явлениям, – причём не только в жизни отдельного человека, но даже в жизни народов, – дать объяснение человеческих взаимосвязей, совместной человеческой жизни.

Во всяком случае, сразу же в исходном пункте рассмотрения о жизни народов должно быть указано на познания духовной науки, которые часто упоминаются здесь в текущих циклах лекций, но которые должны быть привлечены для понимания сегодняшнего рассмотрения. Будет необходимо указать на те духовнонаучные познания, которые относятся к наименее признанным и больше всего игнорируются. Познания, которые говорят нам, что в исходном пункте развития каждого народа душевная жизнь протекает в совершенно особой форме, что вообще первоначальные моменты существования человека на Земле указывают на совершенно иную душевную жизнь, нежели наша современность. В наше время с его материалистически

окрашенным мировоззрением это, само собой разумеется, сегодня ещё не признаётся. Представляют себе, что в исходные моменты своего пребывания на Земле люди находились в совершенно примитивном душевном состоянии; можно сказать в состоянии настолько животном, насколько это вообще можно представить. Духовная наука показывает нам нечто существенно иное. Она показывает нам, что в исходной точке человеческой эволюции на Земле – и, в ещё большей степени, в исходной точке развития каждого народа – лежало ясновидческое состояние души. Это означает, что в начале этого человеческого развития, а также народного развития, человеческие души не только жили в состоянии, вследствие которого они посредством своих чувств видели внешнюю материальную действительность, а посредством своего рассудка строили такие же идеи, понятия и представления, но что их души были способны жить в других состояниях, в состояниях сознания, которые не являются нашей обычной дневной жизнью, но которые также не являются и той нашей хаотической сновидческой жизнью, и, тем паче, бессознательным сном без сновидений. В начале народного развития люди жили в таком состоянии сознания, в котором души были способны развивать имагинативное ясновидение, то есть в себе вступать в связь с духовной действительностью, находящейся вокруг нас. С той действительностью, которую не может видеть глаз, не может слышать ухо, которая не охватывается чувствами и рассудком, связанным с головным мозгом, действительностью, восприятия которой не проникают в нашу душу извне, как впечатления органов чувств, но которые поднимаются в душе в образах, которые не являются сновидческими образами, но отражают реальность духовного мира, ту реальность, которая, обуславливая причинно-следственные связи, лежит за чувственно-воспринимаемым миром. Итак, у доисторического первонаачального человека имелось такое состояние сознания, в котором он осознавал свою связь с духовным миром, и в котором этот духовный мир поднимался в нём в образах.

Во всяком случае, это ясновидческое прозрение в этих ранних примитивных состояниях человека могло быть достигнуто лишь вследствие того, что ещё мало было развито то, что мы называем человеческим «самосознанием», сознанием жизни в личности. Эпохе древнего ясновидения соответствовала некая конституция души, при которой душа ещё не могла, как сейчас, с полным пониманием сказать себе «я», когда душа ещё чувствовала себя не как индивидуальность, не как личность, но как некая часть великого духовного организма, как член всеобщего Космоса. Следовательно, личностное сознание было в то время помрачено, сумеречно. Зато в известное время перед душой раскрывалась панорама образов, картин, которые были в душе теньными отображениями, отбрасываемыми духовным миром. Если же мы бросим взгляд на исходный пункт в эволюции отдельного народа, то мы поймём развитие этого народа только в том случае, если окажемся в состоянии вернуться назад вплоть до того пункта эволюции народа, в который человеческие души, составляющие этот народ, имели, по

крайней мере, нечто от того ясновидческого познания, – то есть, если мы вернёмся ко времени, в котором ещё существовало имагинативное знание о духовном мире. Мы изучаем отдельные народы, мы изучаем Народные Души, узнаём Народных Духов, рассматривая различные формы того, как эти народы развивались из этих первоначальных ясновидческих состояний, развивались до тех состояний, которые представляли собой затем более высокие, продвинутые культурные ступени, достигнутые при полном личностном сознании человека. Это развитие различно для отдельных народов, и разновидность Народной Сущности зависит от того, как развивался этот народ, поднимаясь от указанных примитивных ступеней культуры к более высоким.

В этом отношении характерный пример мы имеем в древнегреческом народе и в большинстве подобных ему народов Востока, а также и некоторым образом в народах древнего италийского полуострова. Такой народ, как греческий, человек поймёт вполне только тогда, если уяснит себе, что этот народ переходит от первоначальных образных впечатлений духовного мира к формированию того мировоззрения, которое дано нам в мифологии, в религиозных представлениях этого народа. Сегодня ещё мало признают это, и лишь во внешней науке появляется то, что ведёт к излагаемым здесь воззрениям. Людвиг Лейстнер в своей прекрасной книге «Загадка сфинкса» пытается изобразить, как все древние мифы, все древние представления о богах, особенно греческие, являются преобразованием ранних ясновидческих представлений уже как бы перенесённых в область фантазии. И если мы посмотрим на древнегреческий мир богов, то мы поймём его лишь тогда, если постигнем его в качестве преобразённых представлений сверхчувственного мира, которые были достигнуты ещё в состоянии древнего ясновидения. Но у этого народа, то есть у греков, преобразование этих представлений древнего ясновидения в мифологическое мировоззрение, а также преобразование мифологического мировоззрения в мировоззрение философское происходит и переживается так, что он как народ осуществляет это преобразование, преобразование ещё в юности, в юношеской, молодой стадии. На некой юношеской ступени народной эволюции проделывается в Древней Греции переход, перелом от древнего ясновидческого уровня – через мифологический – к философскому мировоззренческому уровню. Наряду с этим у человека данного народа развивается затем то, что сохраняется в личном сознании, то, что выступает у человека как личность, как индивидуальность; развивается всё то, что представляет собой душевный, личный, сердечный элемент человека. Этот последний, наряду с вышеназванным, разворачивается в обычном состоянии сознания, и только в этом случае человек становится способен применить этот душевный, сердечный элемент в условиях повседневной жизни. Вследствие того, что в повседневных отношениях жизни человек живёт в обычном состоянии сознания, он может, будучи в ином состоянии души обратиться к духовным отношениям. Тем самым в его сознание вступают два

мира: один, в котором он со своим душевным началом (*Gemuethaften*) живёт в повседневной жизни, и другой, который этого человека с его духовным началом поднимает в духовный мир, – человек, как индивидуальность со своим душевным ощущением, противостоит тому, что, имея начало в его ясновидении, перешло в мифологические и философские представления. Тогда то, что отображают эти философские представления, является ему подобно откровению, является как то, на что он взирает, но с чем он не соединен так, чтобы каждая нить его души, его воли – даже в процессе непосредственного создания мировоззрения – была бы связана с этим мировоззрением.

Так обстоит дело в случае душевного развития такого народа, каким бы народ Древней Греции, народа, который в юношеском состоянии проделал то, что можно назвать переходом ясновидческого познания в мировоззрение, посредством которого человек познаёт принадлежность души к силам, возвышающимся над жизнью и смертью.

Совсем иначе протекает развитие у тех народов, которые, будучи германскими, в начале нашего летоисчисления с Востока и Севера штурмовали границы Римской Империи. Само собой разумеется, что у этих народов мы тоже находим, – в начале их развития, – ясновидческое познание; у них тоже было время, когда душа посредством ясновидческих имажинативных образов имела склонность к духовному миру. Но душа утратила эти ясновидческие имажинации; как утрачивала она их у всех народов, она утратила их также и у германских народов; ибо всё человечество должно было войти в такое эволюционное состояние, которое предназначено лишь для физического мира, состояние, которое могло служить лишь для принятия представлений о физическом мире. В известный момент времени отдельные германские народы, – этот момент достаточно точно совпадает с их нападением на Римскую Империю, – германские народы не только утрачивали способность созерцать духовный мир в изначальном, грезящем ясновидении, но они постепенно утрачивали, – во время великого переселения народов, во время их вторжения в Римскую Империю, – они утрачивали и понимание того, что душа могла иметь такое знание благодаря древнему ясновидению. Можно сказать, это связано с тем, что все эти народы без исключения обладали ясновидческим познанием в своём юношеском, молодом состоянии, но в более позднем жизненном возрасте, – подобном зрелому мужскому возрасту (у человека), – они не смогли осуществить переход от своих первоначальных ясновидческих познаний к их более поздним мировоззрениям. У этих народов развитие мировоззрения сразу же перешло от детского состояния народа к – я мог бы сказать – состоянию народной зрелости, зрелому состоянию народа. В детском состоянии при помрачённом сознании существовало то, что было ясновидческим познанием; теперь же была помрачена и стала неполной восприимчивость этих народов относительно мифов, складывавшихся из древнего ясновидения. Эти мифы в лучшем случае сохранялись как внешние

понятийные традиции. Зато у этих германских народов развивалось личностное сознание, прочно выстроенное на основе индивидуальной жизни. Оно укрепляло у этих народов то, чем являются свойства души, нрава, чем являются непосредственные отличительные признаки характера, те свойства души и характера, посредством которых человек поставлен в повседневную жизнь. И поскольку теперь эту обычную повседневную жизнь уже не обогащали древние ясновидческие представления, душе, волевым импульсам, а также импульсам характера надо было развить страстное стремление обрести силу из себя самих, обрести силу, чтобы почувствовать, пережить, испытать связь с духовным миром. Из смутных сил души развилось потом у этих народов страстное стремление к божественно-духовным мирам. Теперь они не могли, подобно древним грекам, смотреть на то, что просвечивало в их души как эволюционный продукт древних ясновидческих представлений; однако они развивали глубокое чувство, глубину души, чувство, душу, которые были достаточно глубоки, чтобы постигать обычные события дня и в то же время ощущать глубочайшее стремление к духовным основам жизни. Эти народы германцев находились в зрелом мужском возрасте в то время, на которое мы указали, находились таким образом, что их душа, их чувство (*Gemuet*) стремились к религиозному углублению мировоззрения; однако древние представления прежнего раннего ясновидения уже не звучали в душе.

Так в начальную эпоху германского мира, в то время, когда германские народы наступали на народы юга, личные свойства характера, сильные, исполненные мужества качества воли и чувства развивались независимо от мировоззренческих представлений. Отблеск такой конституции души мы находим, прежде всего, в той чудесной поэме, которая по достоинству стоит рядом с величайшими поэмами всех времён, рядом с эпосом Гомера, рядом с Калевалой финнов? – это «Песнь нибелунгов». Насколько нам знакома эта «Песнь нибелунгов», она показывает нам людей, у которых мы не можем отчётливо увидеть, что они связаны с древними ясновидческими представлениями. Зато мы наблюдаем их в борьбе, в сопротивлении, которое проделывает душа, чтобы разобраться в жизни, утвердить себя в ней. Но если мы точно рассмотрим литературную форму «Песни нибелунгов», мы почувствуем, как остатки древнего ясновидения ещё вторгаются в жизнь этих людей, но остатки эти построены, скроены так, чтобы служить повседневной жизни человека и, далее, исторической жизни людей. Мы убедимся в этом, если, например, исследуем, как та, которая должна стать супругой Зигфрида, прозревает всё несчастье, которое должно разразиться над её будущим супругом, когда она видит во сне белого сокола, на которого нападают два орла и убивают его когтями. И снова, когда Зигфрид становится её супругом, а Хагену предстоит убийство Зигфрида, она видит, как две огромные горы обрушиваются на её супруга Зигфрида.

Того, что осталось от древних ясновидческих представлений, больше недостаточно, чтобы поднять человека над обычными представлениями;

однако оставшееся вклинивается в его жизнь так, что человек с его помощью изучает то, что в большом и малом предстоит ему в будущем. Также и иным образом ещё вторгаются эти древние представления. Возьмём, например, то, что относится к более древней версии «Песни нибелунгов»; посмотрим, как Зигфрид убивает дракона, купается в его крови и кожа его от этого роговеет, так что он становится неуязвимым кроме одного места между плечами, на которое падает липовый лист, – позднее Хаген, ударив именно в это место, убивает его. Тут мы имеем проникновение древней связи с духовным миром в жизнь германских народов; но это проникновение – лишь способ утвердить себя в жизни физического мира.

Итак, мы видим, как эти германские народы изначально призваны, – я бы сказал: будучи одарены самостоятельно пережитой связью с духовным миром, – призваны к тому, чтобы формировать свойства души, свойства характера, свойства сильной индивидуальности. Мы видим, как эти народы раскрывают те свойства, которые приковывают душу к душе, связывают и освобождают душу в физической жизни. Импульсы благодарности, верности и всего того, что излучает нрав, душа человека, – их видим мы в столь проникновенном описании души древнего германца в «Песне нибелунгов». Видим благодаря тому, что у тех, кто создавал «Песню нибелунгов», ещё существовало смутное сознание того, что человек вырван из своих связей с духовным миром и со всеми свойствами своей души прочно поставлен в физический мир.

Но, тем самым, мы представили наиболее характерные черты германской душевной жизни, обрисовав её некоторые штрихи; черты той душевной жизни, которая столь удивительным образом обнаруживает всюду личную глубину, характерологическую глубину, и, в то же время, то глубокое, страстное стремление к духовным мирам, которое требует удовлетворения, что ощущается, прежде всего, как трагическое, страдальческое стремление и надежда, ибо те, древние, рождённые из ясновидения представления утратили свою силу над душой человека.

В высшей степени примечательно, каким образом должны были соотносить свою душевную конституцию с дарованным миру христианством народы Юга и – совершенно иным образом – германские народы Севера. Уясним себе, что народы Юга с их мировоззрениями, порождёнными из древних ясновидческих представлений, должны были принять это христианство. То, что им открылось, они должны были сравнить с тем, что они уже знали, или, по крайней мере, относительно чего они могли иметь определённое убеждение, что оно познано посредством прямого опыта, испытано. У этих народов юга не было того страстного стремления, которое у германских народов имеет место и сегодня и развивалось тогда, – той страстной тоски по духовным мирам, той трагической тоски, которая стремится проникнуть за покров, отделяющий человека от духовного мира. Этой страстной тоски, в сущности, не было у тех южных народов, которые имели непосредственное знание о том, что духовный мир существовал, поскольку они, эти народы,

вступали в связь с этим миром в особых состояниях сознания. Поэтому то, что обуславливало мировоззренческие стремления, двигавшиеся внутри души, звучавшие всем людям, мы можем особенным образом изучать на примере народов Севера. Народы Юга тоже смогли принять подступающее христианство, только сравнивая его с характером их древних представлений, рождённых из прежнего ясновидения: они рассматривали христианство как нечто, данное человеку извне, со стороны; как то, чему отдавалась человеческая душа. Мы всюду видим, как у этих (южных) народов оживал двоякий мир: мир, которому душа отдавала себя в повседневных обстоятельствах, отношениях, условиях, в исторических событиях, и мир, данный раньше, прежде из представлений, порождённых древним ясновидением, мир, который стал проблёскивать и просвечивать в откровениях христианства.

Но совершенно иначе, по-другому действует христианство на души германских народов, на те души, в чьём глубочайшем внутреннем мире жило томление, трагическая страстная тоска по духовным мирам. К этим душам пришло теперь то, что могло дать душам христианство; всё это пришло в бесконечном тепле. То, что могло втекать в души из христианства, приводило в движение чувство и сердце. То, что христианство было внутренне родственно тому, что уже было заложено в глубочайших импульсах душевной основы, тому, с чем человек живёт в повседневности, ощущали тогда, когда взирали на страдания Спасителя, взирали на Мистерию Голгофы. Эти души ощущали так, как если бы то, что открывалось им здесь из внешнего мира, было чем-то рождённым из их собственной души, тем, что души, в сущности, не только знали, но что они переживали в своих глубинах задолго, задолго до этого. Германцы принимали христианство как внутренний элемент, как интимное, внутреннее дело самой души, а не как внешнее откровение. И большое различие проявилось в мироощущении, миропонимании, судить о котором можно, особо рассматривая отношения человека к природе и окружающей среде у южных народов, принявших христианство, и у народов германских. Это христианство направляло души – все души – к вечному, к тому, что низшло из космической сферы и вступило в историческое развитие человечества. Это было нечто иное, нежели то, что открывалось здесь, что можно было ощутить и испытать в природе, во внешней жизни. И вот поэтому у южных народов развилось своеобразное воззрение на природу, развилось нечто, что часто называют презрением к природе; возникло такое воззрение на природу, как если бы она имела ничтожную ценность для жизни, как если бы она означала отпадение от божественно-духовных миров. Развилась вера, что человеку следует отвернуться от жизни, стать чуждым и природе, и жизни вокруг. Говоря радикально, можно сказать: развилось своего рода обесценивание природного бытия и человеческой жизни в физическом мире.

Насколько же иначе относились к природе германские народы! В них жило нечто, что должно было придти из выше охарактеризованного развития

их душ. Когда связь с древними ясновидческими представлениями померкла, они были переориентированы на жизнь с природой и человеком. Так они интенсивно развивали свойства характера, свойства души, которые воспламенялись природой и человеческой жизнью. Они всматривались в природу, они видели и ощущали всё, что можно почувствовать как радость от природы, а также и печаль от природы, – от той природы, которую человек видит во всём величии, великолепии расцветающей каждой весной; или когда он видит утреннюю зарю и когда он видит её поникающей, когда мы видим Солнце, заходящее на вечерней заре; или, когда наступает осень и зима. Но и с человеческой жизнью они могли, благодаря своей душевной конституции, ощутить особую связь. Эта человеческая жизнь представлялась им так, что для них уже не было больше живо то, что связывало эту человеческую жизнь с силами из духовного мира, которые, волнообразно пульсируя, проходили через эту жизнь. Нечто трагическое, можно сказать, некое траурное настроение развивалось у этих (германских) народов при созерцании жизни природы и человеческой жизни; и мы видим это разлившееся над воззрениями о богах у древней германской души траурное настроение, настроение жалобы, скорби. Сам поэт «Песни нибелунгов» в том, что он хочет развить для своих слушателей, говорит, как горе и страданье следуют из радости. Ведь эта поэма, эта «Песнь нибелунгов» завершается гибелью, нуждой, убийством и смертью! Как горе следует за радостью – вот что хотел показать поэт этой «Песни». И если мы обозреваем небо германских богов, то увидим, как германцы взирают на своих богов как на тех, кто впервые испытывает «Сумерки богов», кто переживает не своё господство, что было в ином случае, но кто вовлечён в борьбу друг с другом так, что один убивает другого. С траурным трагическим настроением смотрели древние германцы на божественный мир, лежащий в основе природы и человеческой жизни. Это иное настроение, нежели то, которое, говоря радикально, можно назвать принижаящим, игнорирующим, обесценивающим природу. Это – жизнь, внутренне связанная с природой, совместная с природой жизнь, которая, тем не менее, опечалена бытием, раскрывающимся поверх природной и человеческой судьбы, жизнь, которая любит человеческую судьбу и судьбу природы, но считает, что ради этой любви должны быть пережиты импульсы страдания и скорби.

Таково большое, грандиозное различие в понимании природы на Севере и на Юге. Так мы можем ощутить, вжиться в конституцию германской души, можем, в первую очередь взглянуть на тех, кто были среди германцев как бы форпостами европейской миссии германских народов, то есть взглянуть на те германские племена, которые в большем или меньшем масштабе сталкивались с народами Юга; вестготы, остготы, вандалы, лангобарды. Глядя на них, внешний облик этих народов кажется нам ещё столь варварским. Но мы видим, – если только хотим видеть, – что в основе души, в основе воззрений на природу и жизнь заложены те самые характерные свойства, о которых только что шла речь. И с этими характерными

свойствами, с этим пониманием природы и жизни они наступают, вливаются в народы Юга Европы, в то, чем стали эти народы Юга и Запада. Ведь нам известно: эти, только что названные (германские) народы влились в народы Юга и Запада. Возникла романская культура.

Но если мы правильно рассматриваем эту романскую культуру, что мы находим в ней потом? Мы находим в ней то, что в приглушённом, сумеречном виде продолжало жить как древнее мировоззренческое настроение, рождённое из ясновидения. Мы находим, что романскую культуру подобно ткани, подобно пульсу, пронизывало то, что вливали в неё отдельные германские племена, исчезнувшие в мировом развитии вплоть до своих имён. Всё, что на Западе и на Юге Европы развилось как романская культура, имело в своей основе германское душевное начало (*Seelenhafte*), даже если затем оно было приглушено там реминисценциями, продолжением древнеримской культуры. Понять романский элемент можно только тогда, если знают, что он живёт благодаря погибшему германскому душевному миру. Только тогда человек понимает творческих духов, творцов итальянской культуры, понимает чудесную и величественную итальянскую музыку, понимает таких мыслителей как Августин, как Иоганн Скотт Эригена, а также великих художников великого итальянского Возрождения и кваттроченцо, понимает Данте, – только в том случае, если уяснит себе, что субстанция душевного начала древнегерманских народов вошла туда, где затем она на внешнем уровне оказалась заглушенной продолжающимся течением древне-римской культуры. В этих народах мы имеем первые форпосты германского душевного мира, который как бы пожертвовал собой ради прогресса внешней истории. И только из смешения древне-римского душевного начала с вышеописанным германским душевным началом (*Seelenhaften*), возникли по существу и смогли развиваться дальше культуры Запада и Юга. Именно то, что погибло в этих культурах, мы можем назвать «германской душевностью», «германским душевным началом» (*germanische Seelenhafte*), которое развивалось так, как это было указано выше.

Это германское душевное начало занимало особую позицию по отношению к христианскому откровению, оно ощущало христианство как нечто законченное, нечто запечатлённое в формах более твёрдых, по сравнению с унаследованными мировоззренческими представлениями древности. Из этого развился своего рода параллелизм, нечто стоящее наряду друг с другом, возникла двойственность между тем, что являлось духовным, религиозным откровением, что являлось мировоззренческими представлениями, и тем, что в качестве другого, второго внутреннего мира развивалось как душевное начало, – то душевное начало, которое было перенесено из германского начала. Это последнее принимало христианское откровение или как нечто внешнее, или, позднее, в рамках романо-германского элемента, это душевное начало, внутренне противопоставляя себя тому, что давало христианство, развивалось как критика, как нечто

критическое. Эта критика возникала как чисто рассудочный элемент и имела свой особый апогей в Вольтере.

Можно было бы сказать: в мировой истории было предопределено, что часть германского душевного начала должна была быть пожертвованной для Юга и Запада Европы: эта часть влилась в тамошние народы. Но другая часть вернулась назад в середину Европы и имела особенную задачу: дать душевному началу этих народов продвинуться вперед посредством дальнейшего развития души к духовному началу (zum Geistigen). Ведь до сих пор мы, в сущности, описывали лишь германское душевное начало. Но в то время, как другие, передовые группы германства отправились в качестве душевной субстанции на Юг и Запад Европы, в середине Европы, как мы видим, осталось ядро германской душевной субстанции, субстанциальности. Как же развивается это ядро? То, что как свойства характера, свойства души выступало у народов Германии, то, что благодаря христианству стало просветлённым, прониклось теплом, это ядро возводит до уровня духовности, духовного начала; ибо духовное начало (Geistige) есть высшее развитие душевного начала (Seelenhafte). По мере развития душевного начала вверх к духовному началу, это духовное начало – поскольку господствует христианство, – должно было во время с тринадцатого, четырнадцатого столетия развиваться вверх так, что вследствие этого развития закрывалось внутреннее отношение к тому, что внутренне переживала сама душа, и что как откровение раскрывалось в христианстве.

Уже в девятом столетии мы видим в германской душевности, в германском душевном начале первые проблески духовного начала; видим в том чудесном стихотворении, которое возникло в Саксонии – в «Гелианде». Мы видим, что в «Гелианде» описана жизнь Христа Иисуса; но мы видим, что она описана так, как если бы Христос Иисус странствовал по миру как один из германских полководцев, военных королей, приняв целиком германскую сущность; а те, кто следовал за Ним, Его ученики – они в этом стихотворении выглядят как германские ленники, вассалы. Здесь христианство целиком и полностью включено в германский народный элемент; вновь воскресшей, вновь рождённой из душ людей Средней Европы является эта христианская легенда в «Гелианде». И мы чувствуем, как теперь то, что уже проявляло себя в древнем готском элементе, но затем исчезло, достигает особенного пункта; как германская Народная Душа (Volksseele) выявляет то, что христианство воспринято ею не извне, как в романском мире, нет, но то, что может быть пережито в христианстве, в христианских импульсах, произведено ею из самой себя и в себе самой пережито. Вот почему в «Гелианде» история разыгравшаяся с жизнью Христа Иисуса рассказывается так, как если бы она разыгрывалась в Средней Европе, в центральном пункте германства. Автор рассказывает так, как если бы он хотел описать события, происходившие на его родине, и не только формально, но в целом, включая описание местности ит.д.

Затем мы видим, как восхождение душевного начала к духовному началу выступает нам навстречу в том удивительном расцвете немецкой духовной жизни, о которой мы говорим как о средневековой немецкой мистике, которая начинается с Мейстера Экхарта и Иоганна Таулера, которая достигает особой выразительности у Парацельса, а затем идёт дальше через Валентина Вейгеля и Якоба Бёме, и, наконец, достигает своего высшего пункта, апогея в чудесных изречениях Ангела Силезского, жившего в семнадцатом столетии в Силезии с 1624 по 1677гг. Здесь в этой немецкой мистике мы видим, – прежде всего у Мейстера Экхарта и Иоганна Таулера, а затем и у других, которые стали их учениками, как душевное начало непосредственно переходит в духовное понимание.

Как стоят эти мыслящие духи, эти мыслители по отношению к тому, что они называют своим «Богом»? По отношению к тому, кого они называют своим Богом, они стоят так, что они хотят преодолеть, стряхнуть всё то, что волит, чувствует и мыслит в отдельной личности, в отдельной индивидуальности, что они хотят чувствовать себя лишь в качестве инструмента, через который сам Бог говорит, чувствует, мыслит и волит. Вплоть до слова, вплоть до прекрасного слова выражено это ощущение: они хотят отречься, то есть они хотят стряхнуть всё, что может быть названо: я посредством моей личности чувствую то-то и то-то, я хочу, исходя из моих импульсов. Нет! Этого эти мыслители не хотят. Они хотят, чтобы тот, кого они называют своим Богом, кого они ощущают как Бога, Который прошёл через Мистерию Голгофы, целиком заполнил их душу, все их внутренние силы, целиком одухотворил, чтобы душа стала целиком заполнена Им, чтобы не собственное жило в ней, но чтобы она целиком заполнилась Божественным, чтобы это Божественное волило в ней, а она были бы лишь оболочкой этого Божественного. Они хотели бы так включить себя в духовный миропорядок, чтобы они могли сказать: если моя рука движется, то я знаю, что во мне есть Бог, который развивает силу для движения руки; если я мыслю, то это Бог, Который мыслит во мне; если я чувствую и волю, то это Бог чувствует и волит во мне; я хочу отказаться от всего, чем является во мне собственная жизнь, и хочу только Богу дать править во мне! И они ожидали всего от той благодати, которую они могли излучать, когда делали свою душу пустой и давали себе возможность, пропуская через себя, излучать благодать Божию, которая могла втекать в них. От этого ожидали они усовершенствования для своих душ.

Что же переживаем мы в этих личностях? Мы переживаем следующее: как природный процесс в человеческих душах выглядит то, что это древняя германская душевная жизнь, древняя германская жизнь чувства, которая сперва была исполнена надеждой и стремлением к духовному миру, была пронизана христианскими импульсами с той же самой интенсивностью, с которой ранее она была проникнута внешними физическими переживаниями. То, чем является человек во внешнем физическом мире, срастается у этих мастеров с внутренним переживанием Бога и божественного миропорядка.

Оно срастается до такой степени, что, например, Мейстер Экхарт в удивительно прекрасном изречении, которое я хочу прочесть вслух, смог характеризовать это настроение души, настроение, в котором мы видим переход душевного начала в духовное понимание, – он смог характеризовать это следующими словами: «Если ты любишь Бога, то ты можешь делать то, что хочешь, ибо тогда ты хочешь лишь вечного и единого, чего хочет и Бог, и то, что ты делаешь, ты делаешь в Боге и Бог делает это в тебе», Это сознание единства себя с Богом есть то, что выступает нам навстречу там, где из германской Души родится немецкий Дух. И это внутреннее переживание Духа, это деятельное присутствие Духа в Душе, – о, оно так чудесно светит нам в столь великолепном, чудесном и величественном образе из прекрасных поэтических изречений Ангела Силезского в семнадцатом столетии, в его «Херувимском страннике». Здесь мы находимся, как бы, в апогее душевного развития, направляющегося к духу. Я не могу не прочесть вам вслух некоторые из этих изречений этого жившего в Силезии немецкого мистика, который принимал участие в рождении немецкого Духа из германского душевного начала:

"Господь настолько благ,
живёт Он без желаний,
меня приемлет Он,
как я Его приемлю".

"Dass Gott so selig ist,
und lebet ohn' Verlangen,
hat er sowohl von mir,
als ich von ihm empfangen".

Насколько единой сознаёт себя душа со своим Богом, душа, которая может говорить так, что с пониманием произносит: Бог так благ и не имеет желаний по той причине, что Он переживает благодать во мне, поскольку Он принимает меня точно так, как я принимаю Его. Правда, при этом нельзя больше помышлять о том «я», которое связано со своенравием жизни, но надо думать о том «я», которое знает себя как проникнутое пульсом и теплом того, чего хочет Бог – о чём я, только что, прочёл у Мейстера Экхарта. Другое изречение гласит:

"Так вечность – есмь я сам,
коль время оставляю,
и Господа в себе
с собой объединяю".

"Ich selbst bin Ewigkeit,
wann ich die Zeit verlasse,
Und mich in Gott und Gott
in mich zusammenfasse".

Такая внутреннее проницание человеческого «я» Божеством порождает тут ощущение, что это «я» живёт в чувстве, будто бы оно само постигает Бога в вечности! И далее вопрос:

"Как создан Он, – мой Бог?
взгляни – как на себя:
кто в Боге зрит себя,

"Wie ist mein Gott gestalt't?
Geh, schau dich selber an,
Wer sich in Gott beschaut,

зрит истинного Бога".

schaut Gott wahrhaftig an".

Единство человеческого существа с Божественным. И таким, я бы сказал, до конца испившим от связи человеческой души с тем, что живёт в Мистерии Голгофы, с тем, что живёт в импульсе христианства, является следующее изречение:

Голгофский крест
не упасёт от зла,
покуда сам в себе
его ты не воздвиг.

*Das Kreuz zu Golgatha
kann dich nicht von dem Bösen,
Wo es nicht auch in dir
wird aufgericht't, erlösen.*

Это означает, что человек должен пережить в себе всё, что он может пережить, если он будет сочувствовать, сопереживать всё, что может выступить перед его духовными очами при сопереживании, при соиспытании страданий и усилий Спасителя. И совершенно особо выступает нам навстречу сознание вечности в двух изречениях Ангела Силезского, изречениях, о которых хочется сказать: величайшим счастливым случаем жизни было то, что это изречение прозвучало когда-то на немецком языке:

Не мру и не живу;
но мрёт во мне Господь,
что должен я прожить,
живёт со мной и Он.

*Ich sterb' und leb' auch nicht:
Gott selber stirbt in mir:
Und was ich leben soll,
lebt er auch für und für.*

Глядеть на смерть, созерцать смерть и знать: «не я умираю, но Бог умирает во мне» означает ни что иное, как то, что человек, будучи живым, идёт через врата смерти. Ведь если он знает, что Бог живёт в нём, тогда он знает также, что смерть преодолевается познанием; ибо знать, что Бог умирает во мне, означает знать, что я не умираю, так как Бог не умирает. Так когда-то немецкий мистик смог охватить великую загадку жизни в кратких, лаконичных словах. И точно таким же глубоким является другое высказывание Ангела Силезского:

Любовь, та, что в себе
ты к Богу ниспослал,
есть сила Божия,
огонь и Дух Святой

*Die Liebe, welche sich
zu Gott in dir beweist,
Ist Gottes eigne Kraft,
sein Feuer und heil'ger Geist.*

«Это не я, кто говорит тут», – так сказал Ангел Силезский, – «это не я, кто тут любит, – это слово Бога, любовь Бога во мне, это то, чем я могу стать. Это значит, что Божественная любовь погружается в мою душу и заполняет мою душу, если я пытаюсь отказаться от самого себя и быть только

оболочкой того, что, как некая Божественно-духовная жизнь, может войти в душу.

Те силы, которые, следовательно, были вовлечены в немецкое духовное развитие, действуют дальше, и мы снова видим, как они всплывают там, где немецкий Дух насаждает в своём народе импульсы, наиболее глубокие к тому времени. Мы видим, как в то время, которое мы называем немецким классицизмом – немецким классическим временем – возникает страстное стремление к глубочайшим переживаниям собственного человеческого духа, к предварительному испытанию всего того, что человек может испытать в духе, к формированию в мировоззрении всего того, что может пережить человеческий дух. Мы видим это подобно рассветным сумеркам у таких мыслителей, у таких духов, как Лессинг, Гердер; мы видим, как это поднимается в высоту у Гёте и Шиллера, у немецких философов – Фихте, Шеллинга и Гегеля. Что же мы видим здесь, как /не/ глубочайшую силу немецкого народа, когда она пытается взглядом охватить историческое наследие, но также, и то, что может быть дано лишь посредством внешнего физического рассмотрения мира? Она ищет истину, к которой предрасположена человеческая душа, истину, которую она пытается искать в глубинах этой души; и она приходит к тому, чтобы, исходя из духа, в новой форме возродить, познавая, всё, что правит и волнообразно действует через всю мировую историю. И в этом смысле Лессинг даёт абрис всех человеческих стремлений и открытий в сочинении, которое как бы знаменует завершение его жизни, – «Воспитание человеческого рода». В нём он отображает, как через историческое становление проходят Божественно-духовные силы, как вся история является воспитательной работой со стороны Божественно-духовных властей, и насколько великим импульсом в успешном продвижении земного развития стал христианский импульс. Также здесь впервые в немецкой духовной жизни наметились проблески того, что мало помалу будет сформировано полностью в будущем, что в настоящее время должно быть понято снова на духовнонаучном пути; а именно, знание о том, как ранние исторические эпохи взаимодействуют с более поздними, как в позднейшие эпохи может переноситься то, чего добился человек в более раннюю историческую эпоху. И Лессинг категорически заявляет: он не против того, чтобы признать, что великие истины потому не нуждаются в поддержке малых истин, поскольку в ходе развития они выступили в то время, когда человечество ещё не было отуманено школьными предрассудками. Далее Лессинг приходит к признанию того, что душа человека живёт в повторных земных жизнях, что полная жизнь человеческой души протекает так, что эта душа всё снова и снова возвращается к земной жизни, и что между двумя земными жизнями её бытие протекает в чисто духовном мире, где душа преобразует силы, достигнутые ею в последней земной жизни для того, чтобы вернуться снова и перенести в более поздние эпохи то, чем она обладала в более ранние эпохи. Благодаря этому создаётся

продолжительное, непрерывное следование в развитии, в котором участвует сам человек.

Затем мы видим, как через *Гердера* дух, постигающий себя в себе самом, дух, который с такой страстной религиозной пылкостью пытался расцвести в немецких мистиках, – как этот дух просвещается, просветляется, и становится ясным настолько, что хочет пронизать всю природу и человеческую жизнь. Великим, великолепным является созданное Гердером произведение «Идеи к философии истории человечества», где он описывает, как во всём живёт дух, дух, который он находит, если заглядывает в самые глубины своей души, дух, который обеспечивает человеку вечную невозмутимость, вечную причастность и вечное спокойствие в вечно-божественном бытии.

Затем мы видим, как у Гёте – мы хотим ещё раз упомянуть произведение, уже сыгравшее роль в прежних лекциях, – как у Гёте произведение становится «личностью», когда Гёте создавал «Фауста», связывая стремления и душевную жизнь человека посредством собственной силы с тем, что покоится, творит и действует в духовных мирах. Наряду с этим Гёте в фигуре Мефистофеля противопоставляет Фаусту всё то, что может существовать как препятствия, чтобы удержать человека от этого намерения. Но в конце концов, человек должен достичь свободы, когда из другого мира ему навстречу прозвучат слова: «Мы можем спасти того, кто всегда стремится, всегда прилагает усилия». (*“Wer immer strebend sich bemueht, den koennen wir erloesen”* – «Кто жил трудясь, стремясь весь век, достоин искупленья» преревод Холодковского, «Фауст» часть 2)

Далее мы видим затем величественную попытку немецкого национального философа Иоганна Готтлиба Фихте, который в тяжелейшее для Германии время нашел тот доходящий до сердца тот, прозвучавший в его «Речах к немецкой нации». Мы видим Фихте стоящим перед нами с его идеями, которые исходят от человеческого «я», но которые с самого начала способны проникнуться всеми Божественными и духовными импульсами, создать духовный мир, мир, для которого физический мир должен быть лишь материалом, чтобы реализовать себя. Одну из смелых философско-спиритуальных попыток видим мы в философии Фихте. Философия – это то, что заранее убеждено в том, что человек имеет не только свои пять органов чувств и к ним свой обычный рассудок, но имеет ещё и высшие чувства, чувства, с помощью которых непосредственно переживается духовный мир, посредством чего человек сознаёт себя единым с Божественно-духовной жизнью, а во внешней реальности создаёт себе всего лишь материал, чтобы мочь в нём работать. Хотелось бы сказать: то, что выступает нам навстречу в ещё смутных душевных стремлениях у Мейстера Экхарта, у Иоганна Таулера и даже у Якоба Бёме и Ангела Силезского, обретает прозрачную ясность в философии Фихте, прозрачную, светлую ясность, потому что здесь чувство, нрав, хотя и являются задающим тон элементом души, но они проясняются до светоносных идей, которые хотят охватить духовный мир, заявляя о своей

принадлежности к нему так: в «я» живёт всеобщий духовный мир. Как Ангел Силезский хотел сознавать себя в своём «я» единым со своим Богом, со всей божественной деятельностью и жизнью, так для Фихте было уже заранее ясно: если я действительно достигну в моём «я» того места, где это «я» охватывает, постигает себя в своих глубочайших основах, то я нахожусь в Боге, тогда я создаю не только какое-либо мировоззрение, но такое мировоззрение, как если бы во мне творил Бог. Одной из наиболее смелых, наиболее мужественных идей является одна мысль Фихте. У Фихте мысль высказана не так, как я хочу теперь высказать её вам; но всё, что сказал Фихте можно резюмировать в словах: если человеческое «я» со своими силами, с тем, чем оно является, должно зависеть от чего-либо другого, будь это внешний мир, будь это головной мозг, будь это тело, или что ещё, тогда оно связано с чем-то другим; тогда оно не является тем, что может в себе самом переживать божественно-духовное существо. Это «я» в себе не должно быть иным существом, оно должно снова и снова творить себя: творить себя – должно быть важнейшей деятельностью «я». Так чувствует Фихте. Хотеть познать наиболее глубокую сущность этого «я» означает для Фихте – в каждый момент знать, что человек творит это «я». Если оно на какой-то момент утратило себя, оно имеет силу творить себя, воссоздавать себя всё снова и снова. Фихте понимает это «я» как нечто творящее. Благодаря этому оно есть непосредственное отображение, истинный, точный образ духовного Божества, духовно-божественного (*ein wirkliches Ebenbild der geistigen Gottheit*).

То, что Фихте хотел обрести как самое внутреннее ядро душевной субстанции в человеческом существе, «я», объединённое со своим Божеством, – Гегель разложил в идеях, – хотя и в абстрактных, – которые, опять-таки, должны были охватить мир и, в то же время, должны были отобразить внутреннюю творящую силу мира. Гегель говорил себе: если человеческий дух (ум) действительно достигает того, чтобы давать жить в себе чистой, исполненной света идее, то он является уже не отдельным человеческим духом (умом), который привязан к мыслящему головному мозгу, нет, тогда он есть та живущая в человеке высшая сила, Божественная сила, пронизывающая мир светом. Для Гегеля дело только в том, чтобы настолько прояснить и конденсировать своё мышление, чтобы оно отстранилось, поднимаясь надо всем, что связано с внешним миром и действительно подошло к чистым мыслям, которые Бог мыслит в душе. Это стремление и является философским стремлением Гегеля.

Тем самым немецкое духовное развитие достигло ступени «Духа» на тот момент наивысшим образом. Свообразным было то, что здесь, в высшей точке напряжения духовного развития, была достигнута та точка, закрепиться, удержаться на которой было невозможно; точка, с которой приходилось снова падать вниз: так что в отношении всего, что последовало позднее, действительно ценно то, что сказал однажды Гегель: лишь один понял меня, но даже он понял меня неправильно. Это была та высота,

взлететь до которой удавалось немногим; ещё меньше было тех, кто мог здесь удержаться.

Что было достигнуто философией Гегеля, и что ещё не было? Достижением было развитое в душе сознание, что германское душевное развитие настолько далеко продвинулось к немецкой духовной жизни, что было познано следующее: человек в состоянии сопереживать в себе духовный мир только тогда, когда он ищет развития, когда он ищет подъёма в духовные миры, из которых народы впервые выходили, когда ещё имели древнее ясновидение. Но Гегель остановился на понятии и идее. Ибо он не мог сказать: понятия и идеи ещё привязаны к человеческому телу; я должен продвинуться к тому, что является переживанием вне человеческого тела. – Как это возможно, чтобы человеческая душа достигла того, чтобы добиться такого переживания вне тела – об этом здесь часто шла речь; далее об этом мы будем говорить завтра, когда должно быть показано, как такое переживание и познание может помочь человеку в будущем и в серьёзные, и в счастливые часы жизни. Но в Гегеле уже было достигнуто сознание, что в человеке во внешнем бытии живёт дух, даже если он обнаруживается всего лишь в сухих, трезвых идеях. И даже если Гегель смог всего лишь нарисовать образ мира, реализующегося в сухих, трезвых, рассудочных идеях, поскольку в духе он поднимался к постижению действительной жизни не из инспирации, но всё же линия, истинное направление к постижению духа было в немецкой духовной жизни дано философией Гегеля. И если мы взглянем на импульсы, которые так – переживая дух – существовали в германской душе, и если мы спросим: «Разве это конец – то, как здесь отражено это дело?», – то мы должны будем сказать: «Нет! Это не конец, это, можно сказать, только начальный этап». С философией Гегеля достигнуто нечто, о чём следует сказать: если человек может углубиться в неё и сделать душу внутренним инструментом идеи, тогда душа разовьётся дальше. Итак, немецкая душа должна нести мировую миссию – от абстрактной идеи, от постижения мыслей и идей, которые бурлят в существе природы и в человеческом существе в природе, снова возвратиться к непосредственному живому постижению и опыту в духе и в духовном мире. Мы видим немецкий дух на начальном этапе его развития, мы понимаем, почему он и должен находится на таком начальном этапе; поскольку он, развивая себя во вне, исходя из душевной самостоятельности, самостоятельности характера, в первую очередь должен постичь в своём внутреннем мире то, что должно разрешить мировую загадку. Вот отчего немецкий дух так плохо понимают. – Показательно, – если обратиться к примеру, – что одухотворённый поляк Адам Мицкевич в 1843 г в Париже прочёл доклад, в котором он рассуждает так: немецкие ученики Гегеля совсем ничего не знают о Гегеле: верит ли Гегель в бессмертие человека? Верит ли он в истинно христианского Бога? Мицкевич полагал, что философия Гегеля так мало поднимается к этим загадкам жизни, что можно даже совсем не знать, хочет ли она вообще говорить об этих вещах. И он изрекает: польское и французские журналисты

гораздо лучше поняли Гегеля; ибо, – как считает Мицкевич, – эти польские и французские журналисты знали, что Гегель ничего не знал ни о бессмертии человека, ни об истинном христианском Боге. – С каким непониманием говорит о Гегеле Мицкевич, весьма просветлённый в иных случаях! Но почему же польские и французские журналисты смогли с такой легкостью «понять» Гегеля? Как раз потому, что они мелко плавают и не знают того, что в случае Гегеля надо погружаться очень, очень глубоко, чтобы заниматься этими вопросами, что эти вопросы должны ставиться глубже и глубже, и что здесь тот дух (ум), которым располагают в обычных случаях, не заходит настолько далеко, чтобы из данных Гегелем понятий почувствовать перспективы, из которых может быть разрешена великая загадка бессмертного Бога. Мицкевич в своём только что приведённом «изречении» не высказывает ничего иного, кроме того, что можно характеризовать изречением старого сатирика Лихтенберга, которое я хочу привести, желая сопоставить его с рассуждением Мицкевича: «Если голова столкнулась с книгой, а звук пустой, то не обязательно книга виновата...»

Дело тут вот в чём: немецкая духовная жизнь в начале 19-го столетия училась тому, чтобы смочь положить начало истинной духовной науке, положить начало живому духовному познанию, такое начало, которое несёт в себе самую силу поступательного движения, силу совершенствования. Что следует для нас из этого обзора, а также из окончательных выводов из этого обзора о сущности немецкого Духа? Что следует для нас из этого? Чтобы мы могли вобрать это в наши ощущения, ощущения, которые мы испытываем в эти тяжёлые, судьбоносные дни, когда ради немецкой духовной жизни, ради немецкой духовной сущности тратится столько верной крови и столько сил? Что следует отсюда?

Мы видим непрерывное поступательное развитие германской Души к немецкому Духу; мы видим немецкий Дух на начальном этапе, видим зародыши, которые находятся здесь, видим перспективы, обещания того, что он ещё должен подняться на высоты, которые скрыто заложены в нём, и которые нельзя убить, которые должны развиваться, поскольку они принадлежат его существу. Отдельный человек может умереть прежде, чем он полностью изживёт свою жизнь. Люди могут умирать в юношеские годы своей жизни, своего бытия, поскольку они возвращаются в другой земной жизни и поскольку, кроме того, во внешней культурной жизни их место могут занять другие. Незавершённая человеческая жизнь может разыгрываться во внешнем физическом бытии. Но незавершённая народная жизнь – не может! Ибо если какой-то народ ещё до того, как он исполнил свою миссию, был бы уничтожен, или его существованию был бы нанесён вред, то его место не может занять индивидуальность другого народа. Народы должны реализовывать, изживать себя! Народы должны достигать кругобрата своего бытия, – не только детского и зрелого, мужского бытия, но всего своего бытия вплоть до полного совершенства. Немецкий Дух, немецкая духовная жизнь не стоит перед концом, перед своим завершением:

нет, они стоят в начале. Ещё многое предстоит ему. Если желания врагов, идущих путём беззакония, действуют со всех сторон, чтобы лишить немецкий народ возможности существования, которое возвышает средневропейский мир, то средневропейский мир, дающий немецкому народу силу к сопротивлению, должен дать ему и силу для сохранения тех зародышей, которые мы обнаруживаем в своей душе, если рассматриваем эту душу во всей полноте её живого развития. И вера в победу немецкой жизни не должна быть только слепой верой: она может происходить из живого познания немецкой сущности, из того живого познания, которое приводит к воззрению, что немецкая жизнь должна продолжаться, что немецкая сущность должна выполнить свою миссию в мировом развитии, поскольку невозможно, чтобы чисто внешнее, материалистическое мировоззрение достигло тех идеальных спиритуальных высот, которые заложены в интенции немецкой сущности. Воистину; в этой немецкой духовной жизни заложено то, что когда-нибудь чисто материалистическое мировоззрение само сможет придти к воззрениям о спиритуальном мире, к созерцанию спиритуального мира. И то, что предчувствовали лучшие мыслители, лучшие умы, – что немецкая духовная жизнь стоит только в начале, а не в конце, – мы видим у всех великих умов в том, как они высказываются из импульсов этой немецкой духовной жизни. Часто упоминаемый в этих лекциях Герман Гримм увидел однажды, – это место есть в его лекциях о Гёте, – увидел то, что материалистическое мировоззрение в современности делает из мира. Он рассматривает теорию Канта-Лапласа, которая в исходный пункт нашего мирового развития ставит мировую туманность; эта туманность уплотнилась до большого газового шара, который, каким-то образом начал вращаться. Так возникла помимо других планет наша Земля, а на Земле с течением времени развились, – неизвестно каким образом, – дух и жизнь. Позднее, – в соответствие с данной теорией, – когда Земля отомрёт, вся жизнь и весь дух отпадут обратно на Солнце. Такие материалистические воззрения о развитии мира Герман Гримм считал несовместимыми с тем, что могло произойти из источников немецкой духовной жизни. Поэтому в своих лекциях о Гёте о саркастически отозвался о таком умозаключении.

«Нельзя придумать более бесплодную перспективу на будущее, как та, которую нам в этих ожиданиях навязывают сегодня, как, якобы, научно обоснованную. Кости падали, вокруг которых бегают голодный пёс, были бы более свежим и аппетитным куском в сравнении с этим экскрементом творения, в соответствие с которым наша Земля снова вернётся в Солнце; и то вождение по познанию, с которым наше поколение принимает нечто подобное и берет на веру, есть признак больной фантазии, для объяснения чего как исторического эпохального феномена учёным будущих эпох понадобится немало остроумия».

Какие же надежды могут вытекать для нас из такого рассмотрения немецкого Духа, какое было представлено вам сегодня? Мы видели, как германское душевное начало (*Seelenhafte*) развивалось, исходя из древнего

ясновидения; мы видели, как это душевное начало развивалось дальше к немецкому Духу, чтобы стать немецким Духом, чьи первые проблески обнаружались в немецкой мистике; мы видели, как этот немецкий Дух раскрывается далее к образу Фауста, к духу Гёте, Шиллера и других, и сегодня мы можем видеть, как Он развивается дальше путём вникания, проникновения в мир вплоть до истоков духовного начала, духовности, которым поистине причастна и человеческая душа, если только она достаточно глубоко постигает себя. Видеть немецкий Дух так – вселяет глубокие убеждения, что немецкая сила должна быть непобедимой; наше убеждение основано не только на слепой вере: оно должно быть нашим утешением и нашей надеждой в эти судьбоносные, тяжкие дни.

Позвольте мне, в заключение этого рассмотрения, в следующих словах подытожить выводы, которые из него следуют:

НЕМЕЦКИЙ ДУХ не завершил того,
 что должен Он создать в развитии мира;
 в заботах о грядущем Он живёт,
 надеясь на грядущие деянья,
 в глубинах своей Сущности Он чувствует
 сокрытое, что деет, созревая;
 покуда вражья сила безрассудно
 живёт желаньем, чтобы с Ним
 покончить,
 до тех пор жизнь себя Ему являет,
 и в сущностных корнях Его хранит.

Der deutsche Geist hat nicht vollendet,
 Was er im Weltenwerden schaffen soll,
 Er lebt in Zukunftssorgen hoffnungsvoll,
 Er hofft auf Zukunftstaten lebensvoll; —
 In seines Wesens Tiefen fühlt er mächtig
 Verborgnes, das noch reifend wirken muß.
 — Wie darf in Feindes Macht verständnislos
 Der Wunsch nach seinem Ende sich beleben,
 So lang das Leben sich ihm offenbart,
 Das ihn in Wesenswurzeln schaffend hält!